

Исследовательская статья

УДК 81'322.4'367.628 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-3-31-37-62>

Химеры Рима в политической мифологии Rex Anglo-Saxonica

Ирина Ивановна Макаревич¹, Оксана Ивановна Макаревич²

^{1,2} Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

¹ makarevitch-i@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-2090>

² makarevich_oi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8204-3589>

Аннотация. Концептуализация мифологемы «(пост)римского наследия» в культуре так называемого англосаксонского мира (Rex Anglo-Saxonica) представляет интерес в том числе в силу необходимости учитывать значение скрытых смыслов политической лексики для осуществления грамотного перевода. Для переводчика важно не пропустить отсылки, вскрывающие иллокутивные аспекты тех или иных речевых действий в процессе межкультурной коммуникации. Предметом настоящего исследования являются

культурные смыслы, закрепляющие мифологему присвоения римского (пост)имперского наследия в символике англосаксонской политической культуры, соотносённые в процессе перевода с их византийско-русской версией. Материалом исследования послужили культуронимы лексико-семантической группы (ЛСГ), объединённые зонтичным понятием Rex Anglo-Saxonica, содержащие выраженный либо латентный компонент политической мифологии римского наследия. Кроме того, в поликультурном многоязычном пространстве существует незакрытая потребность в создании специализированных переводных словарей культуронимов. Культуронимы группы Rex Anglo-Saxonica собраны авторами в подготовленный к изданию Словарь; наиболее значимые примеры его словарных статей рассмотрены в данной статье. Исследование нацелено на поиски способов перевода значений соответствующих культуронимов с английского на русский язык для эффективного построения межкультурной коммуникации. Задачами исследования являются: 1) уточнение специфики политической мифологии «римского наследия» в современной англоязычной культуре; 2) обоснование выбора исследовательской оптики лингвокультурологии для изучения семантики культуронимов ЛСГ Rex Anglo-Saxonica; 3) определение ключевых этапов и приёмов конструирования нового «имперского мифа» об исторической роли англосаксонского мира; 4) выделение ключевых подгрупп культуронимов изучаемой ЛСГ и описание специфики этих подгрупп на конкретных примерах; 5) выявление и анализ рамочных понятий «геополитического подхода», который задаёт условия формирования и усвоения массовым сознанием политического мифа о «римском наследии». Методология исследования опирается на лингвокультурологический подход к анализу поли-

тической лексики, что предполагает опору на переводческую стратегию мультимодального анализа. Для отбора культуронимов использован метод целевой выборки. Для верификации перевода их значений и конструирования словарной статьи используется сравнительно-сопоставительный метод, а также метод кейсов. В результате исследования проведён отбор и систематизация политически заряженных культуронимов ЛСГ *Pax Anglo-Saxonica*. На конкретных примерах подтверждена необходимость использования эвристических подходов в реализации техник экспертного перевода данных концептов; выделены их ключевые подгруппы (культурное пространство, власть, рефлексия, обратный перевод) и предложены направления дальнейшего исследования трансформации «химер Рима» в политической лексике и массовом сознании.

Ключевые слова: политическая культура, политическая мифология, геополитика, лингвокультурология, переводоведение, культуронимы, лексико-семантическая группа *Pax Anglo-Saxonica*, (пост)римское наследие

Для цитирования: Макаревич И.И., Макаревич О.И. Химеры Рима в политической мифологии *Pax Anglo-Saxonica* // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 37–62. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-3-31-37-62>

Research article

Roman Chimeras in *Pax Anglo-Saxonica* Political Mythology

Irina I. Makarevich¹, Oksana I. Makarevich²

^{1,2} Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

¹ makarevitch-i@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-2090>

² makarevich_oi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8204-3589>

Abstract. Conceptualizing the (post)Roman heritage mythological terms in the culture of the so-called Anglo-Saxon world (*Pax Anglo-Saxonica*) is of relevance due to the importance of the hidden meanings of the political vocabulary so as to carry out their adequate translation. It is significant for the translator to not miss references that reveal illocutive aspects of the communicative acts in the process of intercultural communication. The subject of the study are cultural meanings which anchor the mythological attribution of Roman (post)imperial heritage in the Anglo-Saxon political culture symbolism, and their association with respective Byzantine-Russian versions during the translation process. The research is based on the cultural constructs of the lexical-semantic group (LSG) under the umbrella concept of *Pax Anglo-Saxonica*, containing an expressed or latent component of the Roman heritage political mythology. In addition, in the multicultural multilingual space there is a need for specialized translation dictionaries of cultural terminology. The study aims to find ways of translating the meanings of the respective cultural terms from English into Russian for effective intercultural communication. The research objectives are: 1) clarification of the specifics of the political mythology of the Roman heritage in the modern English-speaking culture; 2) justification of the choice of the linguoculturology optics for studying the semantics of the LSG *Pax Anglo-Saxonica* cultural terms; 3) definition of the key stages and techniques for constructing a new *imperial myth* about the historical role of the Anglo-Saxon world; 4) identification of the studied LSG key subgroups, their description and exemplification; 5) identification and analysis of framework concepts of the geopolitical approach which sets conditions for formation and assimilation by mass consciousness of the political myth about the Roman heritage. The methodology of the study is based on

a linguoculturological approach to the political vocabulary analysis, and the multimodal analysis translation strategy. Cultural terms were selected by target sampling. Their translations, verification and dictionary entries construction involved the comparative method. Semiotic analysis was used to translate into the Russian language the meaning of some literary-mythological images. The method of case study helped to identify the most successful translation options when transferring extralinguistic meanings of cultural terms from the source language to the target language. The research resulted in the selection and systematization of the politically charged LSG *Pax Anglo-Saxonica* cultural terms. The need for the heuristic approach in the technical expert translation of these concepts was confirmed on concrete examples; key LSG subgroups (cultural space, power, reflexivity, reverse translation) are highlighted; and the authors have proposed directions for further research on *Roman Chimeras* transformation in the political vocabulary and mass consciousness. The findings of the cultural studies of *Pax Anglo-Saxonica* LSG group are compiled by the authors into a dictionary. The paper considers the most significant examples of its entries providing a detailed analysis of cultural terms, such as: *ROMAN LIMES*, *AETERNA URBS*, *RAX ROMANA*, *CARMARTHEN*, *CAPITOL* (space subgroup); *KING ARTHUR*, *KNIGHTS OF THE ROUND TABLE*, *PRIORITY MANAGEMENT* (power subgroup); *GEOPOLITICAL TYPE*, *MYTH*, *PROTO-GEOPOLITICAL CHARACTERISTIC* (a subgroup of reflexes); *BYZANTINE*, *TRANSLATIO IMPERII*, *CONSTANTINOPOLE* (a subgroup of reverse translations).

Keywords: political culture, political mythology, geopolitics, linguoculturology, translation studies, cultural studies, lexical-semantic group *Pax Anglo-Saxonica*, (post)roman heritage

For citation: Makarevich, I. I., Makarevich, O. I. (2024) 'Roman Chimeras in *Pax Anglo-Saxonica* Political Mythology', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(3), pp. 37–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-3-31-37-62>

Введение.

Что такое «химеры Рима» и почему о них так часто упоминают в современной политической культуре

К тому времени, когда в 2015 г. известный историк и политический философ Джон Бью использовал понятие *Pax Anglo-Saxonica*, Англосаксонский Мир¹ (по аналогии с *Pax Romana*²), существование мифологемы очередного «нового Рима» в мировом политическом пространстве было достаточно хорошо описано не только публицистами, но и политологами. В частности, С. Хантингтон в резонансной книге «Кто мы?» (2002) рассуждал о специфике имперских судеб США [Huntington, 2004]. В свою очередь, А.С. Панарин в работе «Искушение глобализмом»

(2002) говорил об «англо-американском мире» как «новой атлантической доминанте», представляющей собой версию тоталитаризма, процветающую в рамках «новой имперской республики» [Панарин, 2003: 35–38, 65, 109, 119]. Через тринадцать лет после выхода этих исследований Джон Бью напишет: «Существует особый англо-американский способ концептуализации глобальной стратегической реальности, и он идёт гораздо глубже, чем абстракции либерализма»³. И далее: «Британия завещала Америке “удобную форму этического эгоизма”, как выразился Киссинджер, который считал, что “то, что хорошо для Британии, лучше для остальных”. “Особые отношения”, возможно, и дают трещину, но сегодня мир всё ещё может извлечь выгоду из Левиафана с достаточно толстой кожей, чтобы выдержать обвинения в лицемерии,

¹ Bew J. *Pax Anglo-Saxonica* // *The American interest*. — 2015. — 9 apr. — Vol. 10, No. 5. — URL: <https://www.the-american-interest.com/2015/04/09/pax-anglo-saxonica/>

² Данное понятие, как известно, акцентирует специфическую модель централизованного управления имперским Римом «собранных» им земель. К настоящему времени этой теме посвящено большое количество исследований, обзор которых представлен, например, в исследованиях В.О. Никишкина [Никишин, 2019].

³ Bew.

и всё это во имя высшего реализма. Увы, чтобы это сработало, Левиафан должен верить в свою добрую природу, какой бы корыстной она ни была. Оказывается, слишком много смирения и недостаток этического эгоизма вредны для международной безопасности. Это предпосылка более высокого реализма, которую мы неправильно понимаем на свой страх и риск — и не только на свой⁴. Отметим: упомянутый в приведённой цитате Левиафан Т. Гоббса представляется не самой точной метафорой. «Рим», скрытый самой формой словосочетания *Pax Anglo-Saxonica* — гораздо точнее. Читая эту скрытую метафору «Рима» как политическую мифологию, подчеркнём, что в контексте данного исследования особый интерес для нас представляет не столько политические концепции, рассматривающие историю и/или современность, сколько сам факт отсылки к «имперскому формату», заданному термином *Pax Anglo-Saxonica*, и его отражение в культурно-специфических понятиях — *культуронимах*, — вызывающих особые сложности при переводе (в частности, на русский язык).

В самом деле, современная политическая культура (в том числе англосаксонского⁵ мира) насыщена образами, символами, терминологией Древнего Рима. Семиотически многослойные концепты, отсылающие к образу Римской империи, находят своё воплощение в *культуронимах*, присутствующих не только в западноевропейских языках, но и перешедших через византийскую традицию (или переходящих в настоящее время «по мостам» переводов) в славянские языки, — в том числе, языки восточнославянской группы.

В этой связи уместно предположить, что со времён падения Римской империи в семантике *культуронимов*, связанных (например) с фигурой культурного героя, политической и юридической

терминологией и т.д., существует сложнейшая традиция переплетения культурных смыслов, которая не только «бытует», но и конструируется. По нашему мнению, подобное конструирование воплощено в том числе в концепции *Pax Anglo-Saxonica*, которую, подчеркнём, следует (именно следует, а не «можно») толковать как современную версию мифа о «Римском Мире» (*Pax Romana*). *Pax Anglo-Saxonica* — зонтичное понятие, которое фокусирует идею доминирования англосаксонской культуры, обосновывая необходимость реализовать эту установку в политической стратегии Глобального Запада через специфическую символику и соответствующие ценностные установки.

Миф о *Pax Anglo-Saxonica* создаёт «химеры Рима» в иной историко-культурной ситуации с опорой на *реальное культурное наследие* Древнего Рима, что придаёт дополнительные сложности в том числе в процессе лингвокультурологического изучения связанных с ним концептов. Более того. Этот миф претендует на то, чтобы стать безусловной объяснительной моделью, которая предлагает «фундаментальную» причину того, почему британцы, а вслед за ними и американцы, «имеют право» на культурную экспансию. Тем самым предложенное обоснование произвольно связывает реальные социально-политические процессы с их воображаемыми основаниями, создавая образные миры, которые политизируют культурные процессы в формате, удобном для нынешней политической и экономической конъюнктуры экономически развитых стран «англосаксонский оси». Данный феномен находит выражение в *культуронимах* лексико-семантической группы, которую мы и обозначили как *Pax Anglo-Saxonica*.

О каких же именно *культуронимах* идёт речь? Предпринимая поиски конкретных инструментов, которые используются для

4 Bew.

5 По нашему мнению, этим термином в современном политическом лексиконе маркируется своеобразная отсылка к одной из частных ветвей исторического складывания идентичности жителей Британских островов, которая парадоксальным образом отражает идейный импульс, объединяющий современную британскую и североамериканскую динамику формирования идентичности в некую «единую матрицу».

реализации социокультурного потенциала исследуемого политического мифа, мы обнаружили целый ряд понятий, которые соответствуют требуемым параметрам. Разумеется, в данной статье мы рассмотрели только некоторые из них в качестве наиболее показательных примеров.

В частности, значимым кластером являются культуронимы, фиксирующие представления о наследуемом сакральном пространстве римской империи: **ROMAN LIMES, AETERNA URBS, PAX ROMANA, CARMARTHEN, CAPITOL**.

Далее можно выделить современный этап развития образа культурного героя (в англоговорящих странах одним из ключевых символов римского наследия является образ короля Артура и связанных с ним персонажей, что находит отображение в разнообразной символике современной англосаксонской политической культуры, претендующей на статус геополитического⁶ проекта). Семантику наследования «римского типа» власти раскрывают такие культуронимы, как: **KING ARTHUR, KNIGHTS OF THE ROUND TABLE**, а также представления о *должной власти* — **PRIORITY MANAGEMENT**.

Отдельного внимания заслуживают по нашему мнению культуронимы, выражающие установочный или даже *нормативный характер «имперского наследия»* для современного мира (сюда относятся политизированные интерпретации понятия «миф», а также собственно слово «геополитика» и его дериваты): **GEOPOLITICAL TYPE, MYTH, PROTO-GEOPOLITICAL CHARACTERISTIC**.

И наконец, в данной статье приводятся примеры русско-византийских аналогов подобных культуронимов (в их англоязычном, то есть обратном, переводе): **BYZANTINE, TRANSLATIO IMPERII, CONSTANTINOPLE**.

Скрытые таким образом политические установки обнаруживают конструируемые смыслы культуронимов данной ЛСГ, которые могут быть рассмотрены как своего рода программа, геополитический культурный код; причём даже не одного, а «трёх типов наследования Римской имперской традиции» [Терновая, 2021: 17]: германского, англосаксонского и византийско-русского. При этом в фокусе внимания данного исследования находится именно англосаксонский тип использования подобных мифологических образов: мы не рассматриваем германский тип и лишь косвенно касаемся анализа некоторых культуронимов византийско-русского типа рецепции/конструирования римского наследия.

С точки зрения научного формата данная работа нацелена на комплексный анализ специфики неявных (в нашем случае — неявных прежде всего для контрагентов межкультурного общения) контекстных (=культурных) смыслов культуронимов указанной ЛСГ, а также на поиски способов перевода их значений и различных семиотических аспектов на русский язык, что важно не только для переводоведения, но и для собственно культурологии. Также раскрытие семантики ключевых культурных смыслов англосаксонской культуры для носителя византийско-русского культурного кода, по нашему мнению, прямым образом влияет на способность сторон договариваться в процессе ведения международных переговоров, что позволяет говорить об актуальности и востребованности данного подхода в целях реализации продуманной системы коммуникации на внешнем контуре межкультурного взаимодействия.

Обращаясь к более детальному рассмотрению существующих на данную тему научных публикаций, следует отметить, что

⁶ Здесь важно отметить, что само понятие «геополитики», как минимум спорное с научной точки зрения, в политическом и международном контексте получило в наши дни более чем широкое распространение. Можно, разумеется, продолжать отрещиваться от необходимости изучения феноменов, связанных с его обращением в различных культурных контекстах. Однако по нашему мнению делать этого не стоит. Как минимум потому, что одно из значений термина «геополитика» концентрирует не столько принципы географического детерминизма, сколько установки социокультурного превосходства, предполагающего экспорт ценностей и смыслов в инокультурные среды. Именно это значение используется в нашем исследовании для краткого обозначения стратегии «имперской мифологии» Pax Anglo-Saxonica.

изучение мифологизированного содержания римского наследия в современном позиционировании Великобритании и США как (соответственно) прямого и косвенного наследников Древнего Рима, разбор их политической идеологии и культуры подробно разобраны в недавно опубликованной монографии Л.О. Терновой [Терновая: 2021]. Однако высказанные здесь идеи и оценки представляли для нас интерес прежде всего в свете подходов лингвистического переводоведения, основы которого содержатся в трудах основоположника данного направления отечественной транслатологии А.В. Фёдорова [Фёдоров, 1983] и его последователей, — например, Я.И. Рецкера [Рецкер: 2007]. При анализе текущего этапа развития профессиональной переводческой деятельности мы также приняли во внимание взгляды на развитие науки о переводе Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2023]. Анализ проекции перевода, которая не ограничивается «лингвистической ипостасью» и не сводится к передаче значения в узком контексте, находим также у Г.Т. Хухуни [Хухуни, Валуйцева, 2024]. В свою очередь, Н.В. Иванов убедительно обосновал целесообразность так называемой переводческой трансформации в переводоведении с учётом более широкого понимания самого процесса перевода [Иванов, 2023: 23].

Значимый для нас ракурс исследования стратегии международного делового общения представлен к настоящему времени огромным объёмом научных публикаций. Особо выделим здесь книгу Пени Карт и Криса Фокса [Карт, Фокс, 2005], — главным образом в силу того, что эти авторы при рассмотрении специфической темы деловой коммуникации обратились к анализу роли культурных смыслов и фигуры культурного героя, обеспечивающих фон непосредственного делового партнёрства. Также нами использован

подход, обосновывающий многообразие культурных кодов, существующих в рамках одной лингвокультуры, — он позволил трактовать область использования культуронимов расширительно, с учётом их особого положения динамической системе языка, — с её социально-исторической обусловленностью [Язык: жизнь смыслов..., 2023] и в то же время нелинейным характером спонтанного развития.

**Перевод как (сложный) вид
межкультурной коммуникации:
поиск исходных оснований
переводческой деятельности
на примере проблемы перевода
культуронимов геополитического
культурного поля**

Прежде, чем вести речь о конкретных примерах межкультурной коммуникации в свете проблемы перевода культуронимов, связанных с контекстом *Rex Anglo-Saxonica*, следует уточнить особенности самого лингвокультурологического подхода, складывающегося в настоящее время в переводоведении. Стоит напомнить, что начало XXI в. — как в России, так и за рубежом, — было отмечено кризисом теории перевода, выразившемся в сомнениях относительно её целесообразности⁷ и, как следствие, почти полным отсутствием новых перспективных идей. Этот период относительного застоя к настоящему времени очевидным образом подходит к концу, — по нашему мнению, главным образом под влиянием цифровой трансформации⁸ (то есть выход из кризиса в данном случае обусловлен скорее воздействием внешних факторов, нежели внутренним развитием самой теории). В силу этого определение ключевых векторов развития науки о переводе всё больше требует отхода от ограничений, трактующих перевод в русле предшествующих концепций — как

⁷ В переводоведении на протяжении всей истории его существования наиболее успешные теоретики-практики часто отрицают важность теории перевода.

⁸ Развитие современных процессов цифровой трансформации в разных предметных областях приведены в: Макаревич И.И. Цифровая трансформация: руководство для специалистов в сфере международных отношений: пособие. — Минск: Изд. центр БГУ, 2022. — 351 с.

практику из области «умений и навыков» поиска однозначных соответствий. Теория перевода, настаивая на её современные адепты, «... должна повернуться в область опыта *творчества* (выделено нами — И.М. и О.М.) и перевода как опыта эмоционально-оценочного отношения» [Матюшин, 2023: 47]. Именно в этом видят надежду на развитие профессии переводчика ведущие теоретики и практики перевода⁹.

В свою очередь, конец первой четверти XXI в. ознаменовался в науке о переводе отчётливым выделением нескольких сложившихся направлений.

Условно их можно разделить на четыре группы:

1) исследование проблем перевода социально-экономического характера (будущее профессии переводчика и специалиста в сфере межкультурной коммуникации);

2) изучение практик использования цифровых технологий и моделей искусственного интеллекта в переводе (и степени влияния человека-переводчика на искусственный интеллект и в обратном порядке);

3) рассмотрение ряда этических проблем перевода (вопросы восприятия перевода заказчиками/получателями; степень приемлемости перевода и т.д.)¹⁰;

4) анализ психологических, дидактических, педагогических проблем подготовки переводческих кадров (вопросы содержания переводческого образования)¹¹ в сфере межкультурной коммуникации.

Рассмотренный выше лингвокультурологический подход пронизывает все эти направления, фокусируя внимание

на глубинной специфике самого процесса перевода. Данный подход исходит из того факта, что культурные смыслы, несмотря на долговечность своего существования, «перекладываются» на язык другой культуры в лучшем случае лишь частично [Виссон, 2021].

В передаче значения культуронимов важное значение имеет переводческая установка, которая меняется в зависимости от методов перевода, которые варьируются от буквализма до языкового многообразия. Об эволюции методов перевода не только в отношении культуронимов в переводческом сообществе писали не раз, достаточно привести следующее образное высказывание: «Что за особенности и как их передавать оставалось делом гадательным ... черезполосица методов — от буквализма до разухабистой вольности» [Ланчиков, 2023: 62].

Амбициозная цель данного исследования с точки зрения его переводоведческого потенциала заключается в уточнении возможности решения проблемы раскрытия культурных смыслов лексических единиц применительно к ряду концептов, касающихся темы «имперского наследия» Рима. Речь идёт о попытке установления их *строгого* значения, учитывающего исходные культурные послы оригинала и различные искажения, связанные с историческими напластованиями нестрогих или даже полностью неверных переводов. Параллельно с данным исследованием нами также разрабатывается словарь культуронимов активного типа¹², который, как мы полагаем, будет эффективен для использования в процессе

⁹ Н.К. Гарбовский, профессор Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова в своём докладе: «Наука о переводе в России: 80 лет сомнений, исканий, надежд и разочарований» на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 80-летию Переводческого факультета МГЛУ и 60-летию Переводческого факультета (сегодня Высшей школы перевода) НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 7–9 декабря 2022 г. [Матюшин, 2023].

¹⁰ Анализируя генезис перевода, мы можем с уверенностью сказать, что проблема «противостояния» заказчиков и переводчиков стара как мир.

¹¹ Группа направлений исследований выделена по материалам пленарных докладов ведущих учёных-переводоведов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Перевод как профессия, наука, творчество», приуроченной к 80-летию Переводческого факультета МГЛУ и 60-летию Переводческого факультета (сегодня Высшей школы перевода) НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 7–9 декабря 2022 г.

¹² Рабочее название словаря культуронимов — как он заявлен в план издания редакторско-издательского центра Белорусского государственного университета (БГУ): Макаревич Т.И., Макаревич О.И., Макаревич И.И. Международная деятельность: англо-русский и русско-английский словарь культуронимов и реалий: словарь-пособие =

межкультурной коммуникации и может (в том числе) распознавать практики манипуляции с помощью тех или иных мифологем (ещё раз подчеркнём, что в данной статье на первое место выходят мифологемы, связанные с адаптацией культурного наследия Древнего Рима в практиках «имперского» самосознания стран, называемых в политической лексике англосаксонскими).

Вместе с тем, сам процесс перевода может быть рассмотрен как один из самых сложных и вместе с тем эффективных способов к межкультурной коммуникации. При этом в интерпретации переводческой деятельности на сегодняшний день определились две разнонаправленные тенденции [Гарбовский, 2023: 10]: первая — это «глобальная» научная теория перевода, претендующая на статус общего формата знания о «переводе вообще»; второй подход, напротив, связывает развитие теории и практики перевода с всегда конкретной национальной средой и деятельностью конкретных личностей, работающих на конкретном переводческом материале.

Парадоксы метода

Перспектива преодоления этого противоречия видится нам в методологической опоре на *мультимодальный анализ* А.А. Кибрика, Г. Кресса и Т. ван Лиувена, К.Л. О'Халлорана [Кибрик, 2010; Kress, Van Leeuwen, 2001; O'Halloran, 2011]. Российский исследователь Е.В. Чистова отмечает, что мультимодальный анализ важен прежде всего при изучении международной деятельности, где в любой предметной области профессиональное взаимодействие сегодня сменилось на командное, полимодальное и мультиагентное¹³, а методы их изучения во многом остались прежними — линейными. Мультимодальный

анализ помогает посмотреть на проблему несоизмеримости конкретных понятий — на фоне необходимости их *строгого* соотнесения, — комплексно, с учётом различий речежизненного и культурспецифического взаимодействия; моделировать коммуникативное поведение субъектов в процессе решения профессиональных задач межкультурной коммуникации и ведения переговоров с представителями разных культур; выявить качество перевода и употребления культуронимов как уникальных концептов и т.д.

Применяя парадигму мультимодального анализа при переводе культуронимов, в своём исследовании мы стремимся отразить использование специфических переводческих операций, — таких, как приёмы перевода целостного преобразования и переводческой компенсации (потерь). Данные переводческие трансформации лежат в плоскости формально-логической категории внеположенности, которая имеет место, «когда объёмы двух понятий полностью исключают друг друга»¹⁴. Это предполагает использование смежного понятия для передачи значения единицы перевода в плоскости одного видового понятия. Приём перевода целостного преобразования представляет собой разновидность приёма смыслового развития и отличается большей степенью автономности. Он определяется как «синтез значения без непосредственной связи с анализом» [Рецкер, 2007: 60] и применяется авторами при построении словарной статьи с включением в неё переводческого и культурологического комментария.

В процессе применения приёма перевода целостного преобразования имеет место преобразование всей внутренней формы культуронима. Это может быть «любой отрезок речевой цепи» [Рецкер, 2007: 60], под которым подразумевается

International Activities: English-Russian and Russian-English Dictionary of Culturonyms and Culture-Specific Concepts: dictionary-manual / Т.И. Макаревич, О.И. Макаревич, И.И. Макаревич / Белорус. гос. ун-т, фак. междунар. от-ний. — Минск, БГУ, 2025. — 200 с. — (Серия «Удивительный мир перевода = The Fascinating World of Translation»).

¹³ Чистова Е.В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков): автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.8. — Челябинск, 2022. — 50 с. — С. 5.

¹⁴ Горский Д.П. Логика / Д.П. Горский; Академия наук СССР, Институт философии. — Москва: Государственное издательство политической литературы. 1956. — С. 49.

слово, синтагма, всё предложение. В ходе замещения сем при применении целостного преобразования особое внимание уделялось эквивалентности плана содержания и адекватности планов выражения.

Переводческая перефразировка при переводе культуронимов как приём перевода определяется как «использование в переводном тексте дефиниции, определяющей слово, обозначающее реалию в исходном тексте»¹⁵. В переводе геополитических культуронимов применяется также приём компенсации¹⁶. Компенсация может иметь «семантический или стилистический характер» [Рецкер, 2007: 64]. Компенсация¹⁷ — это «способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причём необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале»¹⁸. Компенсация как переводческая трансформация описывается в теории перевода и применяется в практике перевода прежде всего в художественном переводе, где переводчику приходится чаще всего сталкиваться со случаями непереводаемого в переводе. Пример: *special events* — специальные события; *special events management* — менеджмент специальных событий.

По нашему мнению, выделение и описание культуронимов, обозначающих культурные смыслы конструирования современных рецепций геополитического наследия Римской империи, способствуют прояснению скрытых смыслов при осуществлении перевода как одного из самых сложных видов межкультурной

коммуникации. Рассматриваемые мифы о римском культурном наследии никуда не исчезли — они существуют в «спящем режиме» [Терновая, 2021: 30]; они возобновляются и запускаются в информационное поле в нужный момент при определённых политических условиях и, в свою очередь, влияют на восприятие и интерпретацию событий. Без соответствующих знаний культурных концептов сложно выстроить контраргументацию, линию ведения переговоров, правильно перевести культуронимы на другой язык; без них также невозможно предсказать возможные политические повороты, определяющие событийные ряды наличием глубинных установок, сознательно или бессознательно транслируемых инстанциями власти в различные общественные страты.

Напомним также, что для перевода культуронимов выработаны и устоявшиеся *негласные* правила переводчика, которые разрабатываются и передаются переводчиками и дипломатами из поколения в поколение, так как их появление и апробация идёт в жёстком режиме и темпе экспертного перевода на высшем уровне. Овладение искусством перевода культурных констант заставляет переводчика быть постоянно в тонусе¹⁹, особенно на высшем уровне экспертного перевода в дипломатической деятельности и при ведении процесса международных переговоров. Даже при подготовке к переводу культуронимы лучше переводить вслед за руководителем с листа. Умение переводить культуронимы на уровне экспертного перевода высших должностных лиц государства позволяет переводчикам оттачивать своё мастерство при осуществлении последовательного перевода. Для адекватного перевода

¹⁵ Переводческое перефразирование — «это логическая операция определения понятия через ближайший род и видовое отличие» в: Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — С. 484.

¹⁶ Компенсацией (или компенсацией потерь) в переводе «следует считать замену непередаваемого подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям русского языка».

¹⁷ Компенсация определяется как «замена непередаваемого потерянного элемента элементом иного порядка <...> как перевод, осуществляемый путём выражения той же мысли с помощью иных, чем в оригинале средств в: Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. — Москва: Флинта: Наука, 2009. — С. 83.

¹⁸ Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. — Москва: 2008. — С. 6.

¹⁹ Чуркин В.И. Трудности перевода: воспоминания. — Москва: Абрис: ОЛМА, 2020. — С. 15.

существует предпереводческий этап подготовки, но сложность такого вида перевода заключатся в том, что в текст речи всё время вносится правка и нет уверенности, что последний вариант текста и перевода совпадают. Поэтому знание культуронимов и умение передать их суть выносятся как отдельная компетенция, которой необходимо овладеть заранее.

Специальные события как триггеры социокультурных процессов: ключевые этапы и приёмы конструирования нового мифа о «Римской империи»

Одним из ключевых в данной связи представляется вопрос о том, каким образом конструируются культуронимы ЛСГ, обозначенной здесь общим знаменателем *Pax Anglo-Saxonica*. Полагаем, особый интерес с этой точки зрения представляют так называемые «специальные события», которые имеют место в жизни информационного общества и оказывает влияние как на появление новых терминов [Герасимов, 2023], так и на их дальнейшее функционирование. Метод анализа когнитивного события в коммуникативной реальности в профессиональном взаимодействии раскрыт в диссертационном исследовании упомянутой ранее Е.В. Чистовой. В XXI в. специальное событие — это «осознанная практика по конструированию социально-культурных процессов» [Герасимов, 2023: 16]. Анализ значимого (специального) социокультурного события осуществляется при помощи метода анализа когнитивного события, который раскрыт также в работах В.З. Демьянкова, Е.М. Поздняковой и В.И. Заботкиной, А.В. Колмагоровой и Ю.А. Горностаевой, С. Коули, С. Стеффенсона и др. [Демьянков, 2002; Заботкина,

Позднякова, 2023; Колмогорова, Горностаева, 2021; Cowley, 2014; Steffensen, Vallée-Tourangeau, Vallée-Tourangeau, 2016]]. При помощи этого метода специальное событие описывается как ментальный конструкт²⁰, проецирующий в общественное сознание образы желаемого (или нежелательного) будущего в призме идей, ценностей и целей [Каверина, 2010: 71].

Появление терминов-неологизмов, отражающих специальное социокультурное событие, позволяет также поставить вопрос: *каким образом существует то, что эти термины описывают; в какой мере это существование имеет отношений к действительности?* В самом деле, специальными событиями могут выступать, например, значимые литературные произведения, способные создать вокруг себя информационный повод, но не отражающие реальные социальные процессы. Так, с середины XX в. специальные социокультурные события в Британии свидетельствовали о переоткрытии британцами своего римского наследия²¹. Специальными событиями в данном случае стали не исторические факты как таковые, а литературные произведения английской писательницы Мэри Стюарт²², написанные в 1950-х – 1960-х гг., то есть уже после распада Британской империи²³. Сходные специальные социокультурные события были представлены ежегодно появлявшимися фильмами о римской Британии²⁴ — так легенда рождалась параллельно интерпретациям исторических событий.

И в наши дни подобные социальные и культурные события, художественное описание культурного героя в литературе и печатных/виртуальных СМИ ведут к переконструированию политизированных культуронимов, а также к появлению

²⁰ Чистова, с. 5.

²¹ Начинателем направления перековки римского наследия в Британии в XX в. считается английский философ, археолог Робин Джордж Коллингвуд.

²² Английская писательница Мэри Стюарт ушла из жизни 9 мая 2014, в Шотландии, в возрасте 97 лет. Её трилогия артуровского цикла о волшебнике Мерлине — это очень качественная литература с богатством образов, мастерством письма и т.д.

²³ В англоязычном мире также было очень популярным литературное произведение Теренса Уайта «Король былого и грядущего».

²⁴ Среди фильмов о римском наследии Британии можно назвать «Орёл последнего легиона», «Центурион», «Последний легион», «Король Артур» с легендарным королём как сарматом, бывшем в римской армии.

новых терминов, требующих перевода их значений на другие языки для понимания культуры и геополитической стратегии англосаксов. И хотя на уровне словообразования появление новых культурных смыслов — процесс сравнительно медленный, развитие информационного общества ускорило и их выработку, и скорость распространения: созданные информационные поводы стремительно распространяются в сети интернет и социальных сетях; их функционирование сегодня связано с использованием больших языковых моделей, применением технологий искусственного интеллекта и т.д. [Оливейра, 2022; Макаревич, 2023: 193]. Именно поэтому в число культуронимов, отобранных нами для включения в Словарь, входят разнородные сутевые концепты, среди которых есть и имена нарицательные, и имена собственные. Реалии языка, отображаемые посредством имён собственных, играют свою положительную роль, так как «в переводе имя собственное сохраняет судьбу исключительную, поскольку в своём облики имени собственного оно не переведено. Ведь имя собственное как таковое всегда остаётся непереводаемым <...>» [Деррида, 2002: 19]. Такими именами являются наименования культурного героя и символика римского пост-имперского наследия, включённых в состав Словаря.

Разработка специализированного переводного словаря культуронимов и реалий как словаря активного типа

Тип нашего Словаря определён материалом, который включает в себя англоязычные (британский и американский варианты) и русскоязычные, а также некоторое количество белорусскоязычных и франкоязычных культуронимов, отображающие культурные концепты данных культур.

Стоит отметить, что к настоящему времени существуют два типа словарей, рассматривающих понятия и концепты:

- 1) словарь, основанный на подборе цитат из произведений различных авторов, который исключает толкования авторов словаря²⁵;
- 2) словарь, в котором концепты и понятия даются авторами на базе их собственных изысканий²⁶.

Разрабатываемый нами специализированный переводной словарь культуронимов и реалий сочетает в себе оба типа. Он основан как на словарных дефинициях (приведены зафиксированные другими словарями значения и толкования понятий, текстов и цитат), так и на авторском толковании этих значений, найденных в текстах. Мы исходим из презумпции, согласно которой имеют место «концепты над индивидуальными употреблениями»²⁷, в которые стараются проникнуть составители Словаря при составлении авторского толкования²⁸.

Имя собственное в единственном числе в Словаре «появляется, чтобы сформировать “текст”» [Деррида, 2002: 19]. Информация об употреблении данного культуронима или реалии несёт в себе также и «общий, нарицательный смысл, понятийную всеобщность» [Деррида, 2002: 19], что входит как в английские и русские дефиниции, а также в культурный и переводческий комментарий.

Культуронимы политической культуры составляют отдельную лексико-семантическую группу и включены в Словарь по алфавитному списку. В своей словарной статье они содержат характерную тематическую помету (*геополит.*), а также другие пометы, если речь идёт о принадлежности к другим предметным областям знаний.

²⁵ К такому типу словарей относятся отраслевые словари, например, работа Э. Бенвениста. Словарь индоевропейских социальных терминов = Le Vocabulaire des institutions indo-européennes, 1995. — 453 с.

²⁶ В русской культуре примером такого словаря является работа В.О. Ключевского «Терминология русской истории» 1891, изначально прочитанная как спецкурс студентам МГУ в 1885–1886 гг.

²⁷ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. — Москва: Лит.-изд. агентство «Акад. Проект», 2001. — С. 8.

²⁸ Данный подход именуется платонизмом — по имени древнегреческого мыслителя Платона.

В словарной статье каждого культуронима отображены фиксированные и нефиксированные семасеологические связи²⁹ для наиболее полного перевода и толкования лексического значения культуронима на русском и английском языках.

Создание концепции словарной статьи³⁰ включало в себя разработку системы условных обозначений и символов, список тематических терминологических помет и основано на новейших направлениях в области лексикографии. Поэтому словарная статья в Словаре культуронимов и реалий сконструирована как *культурологический текст* [Макаревич, 2023: 144].

Особое значение в словарной статье придаётся культурологическому переводческому комментарию, которые имеет теоретическую и практическую направленность для осмысления роли, места влияния данного культурного концепта на умозрение носителей английского языка, поскольку мы солидарны с той точкой зрения, что сугубо «лингвистическим путём не могут быть объяснены все факты из области перевода» [Фёдоров, 1983: 3–4]. По этой же причине мы не акцентируем языковую сторону перевода, которая хорошо описана в других источниках.

Интеграторы культурного пространства Рex Anglo-Saxonica: мифология римской пост-имперской традиции

В картине мира британцев актуально представление о самих себе в качестве прямых наследников Римской империи. Напомним, что наследие Рима исторически «делили» Запад и Восток; и Восточная Римская империя, Византия, последним своим названием обязана своеобразной политической лексике: древнее самоназвание Ромейская Империя на Западе не прижилось. Таким образом лексически закреплялась исключительность позиции Запада в качестве преемника

исторического наследия Древнего Рима и «права» на его культурный символизм [Терновская, 2021: 27].

Далее рассмотрим ряд культуронимов, описывающих подобное «наследование» в современном английском языке.

Для начала возьмём культуроним «Римские рубежи», активно употребляемый для определения метафизических границ устойчивого влияния «ядерной» имперской культуры:

ROMAN LIMES /'rəʊmən 'laɪmz/, *n* — *геополит.*

■ 1. «Римские рубежи»; ■ 2. граница Римской империи в Британии; ■ 3. пограничные линии Римской империи; ▲ граница Римской империи в Британии для обозначения границ, включая укрепления и оборонительные валы, которые были построены для защиты Римской Британии; ▲ 1. *a modern term used primarily for the Germanic border defence*; ▲ 2. *a delimiting system of Ancient Rome marking the borders of the Roman Empire, but it was not used by the Romans for that purpose*; ▲ 3. *the term has been extended to refer to the frontier defences in other parts of the empire, such as in the east and in Africa*;

■ *примечание переводчика*: латинский термин *Limes* первоначально и в основном использовался для обозначения римской границы в германских провинциях; часто данный термин передаётся на русский язык путём калькирования *Limes Britannicus* — «британские лаймы»;

※ *Для перевода и комментария*:

* 1. Использование англосаксами римского мифа о Римском мире указывает на два процесса: 1) стремление к восстановлению «Римских рубежей» как пограничной линии Римской империи; 2) выделение «бывших с древности» постоянных разделённых линий.

* 2. Сейчас, в первой четверти XXI в., проводится восстановление расположения «Римских рубежей» по космической съёмке археологии: сторожевых башен, мостов, поселений и т.д.

* 3. «Римские рубежи» — это территории современной Европы, которая превышает площадь государств Европейского Союза, где было установлено правление Рима.

²⁹ Нефиксированные семасеологические связи — это семасеологические связи, не закрепляющие данный языковой знак за денотатом, что свидетельствует о неоднозначности языкового знака, о наличии синонимического ряда: в Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. — Москва: Флинта: Наука, 2009. — С. 120.

³⁰ Более подробно [Макаревич, Макаревич, Макаревич, 2023].

Стоит подчеркнуть, что в рамках геополитического мифа *Pax Anglo-Saxonica* по сей день существует культ «Римских рубежей». Это выражается в присвоении коллективным Западом «культурных» прав на исторические территории бывшей Римской империи, которые сейчас принадлежат другим государствам, и видение этих территорий как «своих». По нашему мнению, этот механизм лежит в основе идейного оправдания политики бесконтрольного расширения Европейского Союза, в том числе — на восток. При этом очевидно, что в результате такого расширения по существенной части периферии бывшей Римской империи периодически поджигаются зоны конфликтов³¹.

Другим ключевым культурным лингвокультурологической ветви «наследования» является, на наш взгляд, культурным «Вечный город», чаще всего употребляемый как всеобъемлющий символ Рима. В англосаксонской политической традиции он обычно употребляется как «положительный сюжет» [Терновая, 2021: 19], раскрывающий образцовый путь управления государством с помощью выстраивания связи центра и периферии: **AETERNA URBS** /ɔː'tz:nə 'z:bs/, *n* — *упр., геополит.* ■ Вечный город; ▲ 1. описательное значение Рима по названию поэта Альбий Тибулл (ок. 50 – 19 до н.э.) в «Эллегии», II, 5, 23 л. — о времени прибытия Энея в Италию; ▲ 2. почётное название г. Рима, которое впервые упоминается в кодексе Феодосия;

* Для перевода и комментария:

* 1. *Rómulus áeternáe nondúm formáverat úrbis Móenia cónsortí nón habitánda Remó.*

Ромул ещё не сложил те стены вечного града,
Где поселиться не смог брат его Рем.

(Перевод с лат. Л. Остроумова)

* 2. Символом Римской империи служил цикл легенд об Энее, о Ромуле, о строительстве Рима, и сам Рим позиционируется как Вечный город.

Однако наряду с «ценностью созидательной компоненты мифа» [Терновая, 2021: 27], сконцентрированного в данном культурониме, можно выделить

и связанный с ним «негативный сюжет»: всё, что разрушено для «отвоевания» римского наследия, разрушено «во благо». Данная константа геополитического поведения англосаксов на границах «Римских рубежей» просматривается в их отношении к государствам, находящимся, по мнению исповедующих эту стратегию политиков, «за» этими границами.

Более того, позиционируя себя в качестве наследников Римской империи и демонстрируя свою приверженность химерической мифологизации культурных смыслов Рима, англосаксы нередко выражали намерение провести «ревизию границ». Переводческий комментарий в словарной статье нашего Словаря отражает эти умонастроения через анализ происхождения и семиотики такого термина, как *Pax Romana*:

PAX ROMANA /'ræks rəʊ'mɑ:nə/, *n* — *геополит.* ■

■ 1. мир внутри Римской империи; ■ 2. Римский мир; ■ 3. навязанный мир; ■ 4. насаждаемый мир, поддерживаемый политической силой, не имеющей соперников; ▲ длительный период мира и относительной стабильности в пределах Римской империи эпохи Принципата;

■ *примечание переводчика:* в переводе с латинского языка данный термин означает «римский мир»; его происхождение связано с тем, что жёстко централизованная администрация и римское право подавили регионы, которые ранее переживали беспрестанные вооружённые конфликты; в переносном значении этот термин может означать мир, насаждаемый и поддерживаемый политической силой, у которой нет соперников;

* Для перевода и комментария:

* Римский миф и современная потребность в Римском мире, обращение к нему, к связи мифологического геополитического наследия Рима вызвана, прежде всего, потребностью англосаксов в конце XX в. осуществить «ревизию границ», очерченных после Второй мировой войны.

В данной связи интересна трансформация образа некоторых географических названий, которая может быть интерпретирована как демонстрация претензий

³¹ В том числе по «Римским рубежам» наблюдаются конфликты по периметру российских границ: Абхазия и Южная Осетия, воссоединившийся с Россией Крым и Новороссия.

Британии не только на «геополитику Суши», но и на расширительную «геополитику Моря». Рассмотрим в качестве примера связанный с римским наследием культуроним «Carmarthen»:

CARMARTHEN /'ka:mɑ:θən/, *n* — *геополит., культур.* ■ г. Кармартен (на Британских островах); ▲ 1. *administrative area of southern Wales, 920 square miles (2383 square kilometres)*; ▲ 2. *port in southern Wales northwest of Swansea, population 54, 800*; /\ 1. название «Кармартен» произошло от валлийского *Caerfyrddin*, идущего от бриттского *Mori-dunon*, которое переводится как «морская крепость». Этот топоним понят также как *Caer-Myrddin* (с переходом, по правилам валлийской фонетики *m* в *f* [v]), означающий «крепость Мирдина»; /\ 2. город на юго-западе Уэльса, исторический и современный центр графства Кармартеншир на р. Тауи, который основан в 75–77 гг. н.э. с прежним названием *Moridunum*; /\ 3. бухта у берегов Уэльса, Великобритания; ~ *Bay* — залив Кармартен;

✱ Для перевода и комментария:

✱ 1 Отсылка в британском топониме г. Кармартен, ранее он был важным портом, к морскому сюжету очень напоминает древний г. Карфаген. Это говорит о выходе англосаксов, которые позиционируют себя как наследники римской традиции, за пределы геополитики Суши как ассоциация с Древним Римом и добавления к ней геополитики Моря — Карфагена.

✱ 2. Значение топонима Кармартен, города-порта на Британских островах напрямую связано с отсылкой к морскому сюжету, который очень напоминает Карфаген.

Уместно предположить, что вектор подобных «заморских» амбиций в настоящее время символически направлен на Северную Америку (хотя «экономическая империя» Запада в качестве своего условного центра сегодня даже в самых смелых мечтах едва ли отдаст пальму первенства Великобритании).

Однако американцы, которые, по мнению британцев, являются лишь косвенными наследниками Римской империи, со своей стороны также демонстрируют приверженность символике Древнего Рима, напрямую участвуя в кинетике мифа *Rex Anglo-Saxonica*. Например, административные здания центрального административного округа в г. Вашингтоне,

США, выстроены по римскому образцу, что отражено в английском культурониме «*capitol*»:

CAPITOL /'kæptɪl/, *n* — *унр., геополит.* ■ (the) ■

1. Капитолий; ▲ 1. один из семи холмов, на которых возник Древний Рим; ▲ 2. Капитолийский храм на Капитолийском холме, посвященный языческому богу Юпитеру во времена Римской империи, в котором проходили заседания сената, народные собрания; ▲ 2. здание конгресса США в г. Вашингтоне; ■ 2. (*capitol*) здание законодательного собрания штата; ▲ 1. *the building in Washington DC where the US Congress (= the national parliament) meets to work on new laws*; ▲ 2. *a building in each US state where politicians meet to work on new laws*

✱ Для перевода и комментария:

✱ 1. В США термин «Капитолий» в память об основании Рима на capitoлийском холме используется для обозначения зданий заседаний законодательных органов власти штата, территории, страны.

✱ 2. В Соединённых Штатах и сегодня римские античные мотивы Капитолия Древнего мира узнаются в архитектуре административных и государственных зданий.

✱ 3. Суть геополитического поведения американцев передают символические образы Дяди Сэма, Брата Джонатана. Американцы себя позиционируют как косвенные наследники Римской империи, которые соперничают друг с другом за наследство.

✱ 4. Брат Джонатан — персонаж фольклора США в годы гражданской войны за независимость (1776–1783), который является воплощением Новой Англии.

✱ 5. *The story of Times of Brother Jonathan is in the book written by D. C. Cloud "Times of Brother Jonathan: What he ate, drank, wore, believed in & used for medicine during the War of Independence"*.

Заметим, что у государств оси *Rex Anglo-Saxonica*, считающими себя наследниками римской империи, потребность в чувстве своей геополитической значимости проявляется в том числе в распространении образов своих культурных героев и своей культурной повестки. Массовая культура (например, с помощью Голливуда) тиражирует мифы о непревзойдённых преимуществах «американского образа жизни», «американской мечте» и других позитивных сценариях, лишь частично отражающих

(либо не отражающих вообще) реалии жизни в США. Средства массовой информации, такие как BBC, CNN, интернет-ресурсы, социальные сети, которые англосаксонский мир сделал глобальными и придал функцию «четвёртой власти» (*“the fourth estate”*), не остаются в стороне от идеи «экспорта демократии», которая также может быть рассмотрена сквозь призму имперских амбиций англосаксов.

**Артуриана XX в.:
культурный герой, духовный
наставник и переоткрытие роли
личности в истории**

Поскольку физически англосаксонская модель западноевропейской цивилизации возникла на периферии пост-имперского римского мира, здесь отчётливо присутствовал запрос на собственный образ культурного героя. Он должен был отвечать как минимум двум основным критериям: во-первых, как всякий культурный герой, он должен был быть готов раздвинуть границы своего мира; во-вторых, на его сознание и поведение не должна была влиять ограниченность окраины. Таким культурным героем в англосаксонском мире стал король Артур³², чей образ представлен в артуровском цикле легенд, сложившемся много позднее, чем пали рубежи императорского Рима. Так называемая артуриана³³ — результат многоуровневой и многовековой поэтико-культурной (в том числе

авторской) обработки исходного сюжета, оказавшегося в настоящее время вновь востребованным в мифологии Pax Anglo-Saxonica.

Мудрый, добрый и справедливый король Артур воплощает в себе черты мистического персонажа и богоугодного правителя. Культуроним «*King Arthur*» отражает используемую мифологизацию образа этого культурного героя Великобритании и включён в Словарь как важная культурологическая единица англосаксонской геополитической культуры:

KING ARTHUR /ˌkɪŋ ˈɑːθə(r)/, *n* — *культур., ист.*
 ■ BE ■ король Артур; ▲ легендарный король бритов, о котором повествуется в артуровском эпосе — Артуриана; ▲ *a king of England who lived in the 5th or the 6th century, led the Britons in battles against the Saxons; there are many stories about King Arthur, for instance, he pulled his sword Excalibur from a stone, and that he sat with his knights at a Round Table*; ● *Arthurian circle of romances* — цикл легенд о короле Артуре, артуровский эпос; ● *the ~'s stories* — легенды о короле Артуре; ●● *The English king Arthur was a somewhat a shadowy figure.* — Король Англии Артур был таинственной фигурой.

✱ Для перевода и комментария:

✱ 1. Идеи артуровского эпоса имели не только важное значение, но и геополитическую мощь в период исторического формирования межгосударственных союзов.

✱ 2. Эти идеи — Артуриана — носили не только романтический характер. Они передавали историческое поверье, содержали пророчества,

³² Король Артур (англ. и валл. Arthur, Artŭr от кельт. «медведь») — самый известный кельтский герой, герой британского эпоса, легендарный вождь бриттов в V–VI вв. По преданию Артур был правителем королевства Логрес, защитил Британию от саксов, который собрал при своём дворе Камелоте рыцарей Круглого стола и погиб в бою, защищая трон. В настоящее время в научном сообществе доминирует мнение, что Артур — это мифический персонаж. При этом некоторые историки всё же допускают существование исторического прототипа Артура, основываясь на трудах древнебританского историка, британского святого Гильды Премудрого, латиноязычных анонимных «Анналах Камбрии» (447–954 гг.), «Истории бриттов» Ненния (829–830 гг.). Британский эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола запечатлён в раннеанглийских поэтических источниках, например, Y. Gododdin, также он стал основой сюжета легенды о короле Артуре в XII в. — и, в последующем, рыцарских романов, произведений искусства, литературы, кинематографа и идеологии.

³³ Артуриана — (артуровские легенды, артуровский/бретонский цикл) — это цикл, в котором кельтские легенды представлены как наиболее важный элемент эпоса. Далее этот образ культурного героя был отражён в рыцарских романах о короле бриттов Артуре и его рыцарях Круглого стола. Географически кельтские легенды и традиции охватывали территорию Уэльса (Британия), Бретань (Франция). Артуровские легенды противопоставляются каролингскому циклу. В артуровском цикле первые романы были созданы в стихах, позже рыцарские романы писались в прозе. Одной из старейших валлийских народных легенд в артуровском цикле является «Килух и Олвен».

проявились в первообразе того, что сейчас принято называть «мягкой силой» (*soft power*) как противопоставленной «жёсткой силе» (*hard power*).

* 3. Сочетание «мягкой» и «жёсткой силы», как это есть в англосаксонской принудительной дипломатии (*coercive power*), требует авторитетного посредника или арбитра. Эту роль в Артуриане исполнял волшебник Мерлин.

* 4. *Nobody knows if the stories are true, but they are very popular and have been used in poems, plays and films.*

Когда в романах Мэри Стюарт 1950–1960-х гг. Британия совершает своё перерождение себя как «Рима с кельтским орнаментом»³⁴, литературные произведения осуществляют «перепрощивку» мифа о короле Артуре. С середины XX в. Артуровский миф утверждает преемственность цивилизации на Британских островах со времён кельтов и римлян; Британия позиционируется как «земля тысячелетий», проникшая римским духом, окутанная магией Стоунхенджа³⁵ и вдохновлённая идеей вечной преданности священным идеалам. Красной нитью пронизывает этот образ тема верности и дружбы, контрастно представленная образами рыцарей Круглого стола. «Тёмные» и «светлые», они собраны вокруг центрального персонажа — Артура — как его вассалы и друзья:

KNIGHTS OF THE ROUND TABLE /'naɪt əv ðə 'raʊnd 'teɪb(ə)l/, *n pl* — *уст., культ.* * BE (the) ■ рыцари Круглого стола; ▲ *a knight belonging to the legendary order instituted by King Arthur*; ● *The tradition started in medieval times when King Edward III was so inspired by tales of King Arthur and the chivalry of the Knights of the Round Table that he set up his own group of honourable knights, called the Order of the Garter.* — Эта традиция берёт своё начало в средневековье, когда король Эдуард III был так вдохновлен рассказами о короле Артуре и доблестях рыцарей Круглого стола, что создал свою собственную группу почётных рыцарей, и назвал её Орденом Подвязки.

** Для перевода и комментария:

* 1. Культурный герой обнаруживался в артуровском цикле легенд, включающий в себя кельтскую легендарную историю Британских островов, в которых фокусировка была на короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

* 2. Основной сюжет легенд о короле Артуре построен на том, что в центре находилась фигура справедливого и мудрого короля, вокруг которого сконцентрировано избранное общество героев — рыцарей Круглого стола, искателей приключений и духовного просветления.

Рядом с образом культурного героя, хотя и немного в стороне от него, стоит образ волшебника Мерлина, мудрого советника королей, приносящего Артуру и его рыцарям вести из таинственного мира духов и одновременно представляющего некие божественные силы.

Известно, что первоначально конструкция подобного «идеального управления» была описана в литературном произведении Гальфрида Монмутского «Пророчества Мерлина»³⁶. В этой книге содержатся апокалиптические тексты, принадлежащие по легенде волшебнику Мерлину — наставнику правителей. Сходные идеи воплощены в современном подходе в англосаксонской геополитике и управлении и зафиксированы в современном культурониме «*priority management*»:

PRIORITY MANAGEMENT /praɪ'brɪti 'tænɪdʒmənt/, *n* — *менедж.* * ■ приоритетное управление; ▲ понятие в теории управления, которое подразумевает успех или успешность тех сил, которые на разных временных отрезках умели выстраивать иерархию целей и средств, управлять приоритетами: ● ~ *efforts* — первоочередные меры по руководству; ● ~ *evaluation* — оценка первоочередных мер по руководству;

** Для перевода и комментария:

* 1. Для геополитического тождества англосаксонской модели западноевропейской цивилизации было значимо, чтобы в цикле легенд

³⁴ Холмогоров Е.С. Рим с кельтским орнаментом // Известия. — 2014. — 21 мая. — URL: <https://iz.ru/news/571181>

³⁵ Интересен факт почти полной перестройки Стоунхенджа в 1958–1962 гг., как в романе Мэри Стюарт «Хрустальный грот», в котором волшебник Мерлин восстанавливает этот древний каменный ритуальный круг.

³⁶ Литературное произведение «Пророчества Мерлина» (лат. *Prophetiae Merlins*) священника и писателя Гальфрида Монмутского (около 1100–1154 гг.).

об английском короле Артуре, наряду с королём Артуром — символом власти в артуриане — присутствовала фигура волшебника Мерлина — того, кто может направлять эту власть, указывать на задачи приоритетного управления.

* 2. Выработанное в англосаксонской модели понятие «приоритетное управление» способствовало сближению континентальной и островной частей кельто-римского мира, открывало возможности для широкой дальней трактовки роли мудрого наставника. Для отца короля Артура, а затем и для самого короля Артура, таким «мудрецом» в проведении внутри- и внешнеполитического курса выступал мифический волшебник Мерлин.

Интересно также, что французская артуровская традиция по мере распространения христианской агиографии стала связывать фигуру кельтского языческого волшебника Мерлина с житием христианского римского святого Мартина Турского IV в. [Walter, 2014; Гольденберг, 2024: 25]. Подобный агиографический символизм естественным образом впитывает тысячелетнее творчество бардов, народную этимологию городских и сельских жителей, образы иконографии и последующие труды писателей, взявшихся систематизировать этот субстрат.

Примечательно и то, что к образу Мерлина английская литература обращается в годы Второй мировой войны, когда в последней книге «Космической трилогии» (1946) английского писателя, философа и богослова Клайва Стейплза Льюиса под названием «Мерзейшая мощь»³⁷ фигура Мерлина возникает, чтобы пророчествовать от имени великих духовных сил. Мерлин узнаёт, что ныне Англия бессильна перед демоническим нашествием; он советует герою обратиться к императору, — и приходит в ужас от того, что императора (оказывается) больше не существует.

В очередной раз на исторической оси времени образы короля Артура и Мерлина возникают в 1970-х гг. в трилогии Мэри Стюарт³⁸, которая продолжила развитие идей артурианы и литературно «перепрошила» известный миф. В созданном Мэри Стюарт новом образе волшебника Мерлина видится фигура «технолога истории», задачей которого является сотворение идеального короля, при которой цена человеческой жизни не имеет значения.

Анализ мифологизации римского мира в англосаксонских культурионимах ветви «власти» показал, что на задний план в переконструированном артуровском цикле отеснён важный аспект исходного сюжета: «в братоубийственной войне, которая была развязана преступным наследником, гибнет весь этот тщательно устроенный мир» [Терновая, 2021: 23]. Тем самым легендарные образ власти, идущей из глубин тайного знания и поддержанной потусторонними духовными силами с одной стороны и мощью надёжных вассалов с другой, якобы дающей безусловные права на личную инициативу по освоению и присвоению периферии, оказываются переосмыслены английской литературой XX в. Это переосмысление не лишено самоиронии и позволяет констатировать начало разложения имперского мифа в сознании интеллектуалов, — на фоне роста интереса к нему со стороны политиков, конструирующих удобные для себя геополитические смыслы.

Терминология политизированной культуры: геополитические установки и культурная реальность

Терминология геополитического культурологического поля находится в поле зрения современных исследователей

³⁷ Англ. "That Hideous Strength".

³⁸ Трилогия английской писательницы Мэри Стюарт была написана в 1970 – 1979 гг.:

1. «Хрустальный грот» (англ. "The Crystal Cave"), 1970 г.;
2. «Полые холмы» (англ. "The Hollow Hills"), 1973 г.;
3. «Последнее волшебство» (англ. "The Last Enchantment"), 1979 г.

не случайно. Такие термины (как правило, англоязычные), выступая как «основные содержательные единицы социокультурной и межкультурной коммуникации» [Думина, 2024: 42], несут в себе значительный семиотический заряд, который при стремлении к адекватному толкованию исключает прямой перевод на другие языки. При этом геополитическая терминология представляет специфический пласт лексики, характерной для политиков-практиков, теоретиков, занятых разработкой броских общественно-политических идей, а также журналистов, транслирующих этот кластер понятий в массовое сознание. Именно поэтому для переводчика данная лексика особенно важна, ведь она не только чувствительна, но и резонансна.

Несмотря на понимание профессиональным сообществом переводчиков этих трудностей, в настоящее время можно говорить о засильи калькированных и транслитерированных иностранных терминов в названной области, а также, к сожалению, об отсутствии устойчивого стремления к адекватному переводу этих терминов на русский язык. Такое положение дел, по нашему мнению, можно улучшить путём глубокого изучения иноязычных неологизмов и работой по созданию переводных, толковых и специализированных словарей. Наиболее сложной лексикографической работой здесь как раз и является сбор, анализ, обработка, перевод, конструирование словарной статьи относительно культуронимов, которые в данном контексте можно описать не только как культурные смыслы, но и национальные реалии, — в том числе и такие, которые отражают различные компоненты других культур.

Терминология в значительной степени составляет лексикографию перевода, поскольку сейчас, как никогда, работа профессионального переводчика немыслима без словарей как мощных информационно-справочных источников,

играющих ориентирующую и объясняющую роль для эффективной передачи культурологических доминант³⁹.

Стремясь к разработке максимально подробной версии современного словаря такого типа, мы не могли не включить в него специфические толкования политической лексики, пропитанной установками геополитического подхода и имеющей непосредственное отношение к тезису о «римском наследии» англосаксов.

В Словарь включены термины, имеющие в определённых контекстах выраженный геополитический ракурс. Ниже приведены отдельные — с нашей точки зрения наиболее важные — статьи данного типа. В культурологическом и переводческом комментарии словарной статьи словаря содержится расширенное толкование культурного смысла термина, исторического события, фоновых связей лексических единиц, их культурологических смыслов. Анализ и перевод англосаксонских смыслов с мифологизированной отсылкой к Древнему Риму необходим в том числе для извлечения полезного опыта в конструировании «нового миропорядка», для понимания истоков конфликтов и противоречий и, в конечном счёте, принятия максимально эффективных мер по их предотвращению.

Отметим, что приведённые ниже термины представляют собой фрагменты теоретической рамки, которая в определённых контекстах считается именно как геополитическая, то есть основанная на связи особым образом понимаемого пространства и тех действий, которые могут (или не могут) вести населяющие его люди. Разумеется, представленные ниже статьи отражают эту теоретическую рамку во всей полноте. Однако они дают представление о её стержневых идеях и направленности теоретико-идеологических поисков применительно к ЛСГ Рах Anglo-Saxonica:

³⁹ Культурологическая доминанта — это «совокупность смыслов, имеющих национальную специфику и связанных между собой интегративным признаком» в: Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. — Москва: Флинта: Наука, 2009. — 320 с.

GEOPOLITICAL TYPE /dʒi:əpə'litɪkl taɪp/, *n* — *геополит.* ■ геополитический тип; ▲ выделяют три геополитических типа наследия Римской имперской традиции: 1) германский; англосаксонский; 3) византийско-русский; ▲ *a type connected with the political relations between countries and groups of countries in the world, as influenced by their geography*;

✳ Для перевода и комментария:

✳ 1. Германский и англосаксонский геополитические типы возникли на обломках Римской империи.

✳ 2. После падения Римской империи в V в. на её периферии, на территории Западной Европы, стояла задача сберечь остатки величия бывшей империи. Это заключалось в том, что государственность варварских королевств Западной Европы:

- продолжала инерционный путь римской политической системы;

- строилась на базе римского права;

- создавалась лицами, которые получили римское образование.

✳ 3. Потребность сохранения опыта Римской империи придавала особую миссию германско-скандинавскому миру.

МЫТН /mɪθ/, *n* — *геополит.* ■ 1. миф;

■ 2. несуществующее / выдуманное лицо;

■ 3. мифическое событие; ■ 4. предание;

▲ 1. *a story from ancient times, especially one that was told to explain natural events or to describe the early history of a people*; 2. *this type of story*;

Syn. legend: ● *a* ~ (= *that explains how the world began*) — предание о сотворении мира; ● *create a* ~ — создать, породить миф о чём-л.; ● *debunk / discredit / dispel the* ~ — развенчать миф о чём-л.; ● *demolish a* ~ — разрушить миф о чём-л.;

✳ Для перевода и комментария:

✳ 1. Мифологическое содержание римского наследия сегодня активно задействовано в геополитике, проводимой англосаксами.

✳ 2. По сути, англосаксы действуют в геополитике по мифологическому пониманию, существующему особенно на периферии бывшей римской империи, на территории современной Британии.

✳ 3. Относительно рубежа земель, которые граничат с пространством Великой Евразийской степи, в поведении коллективного Запада есть мифо-психологическая установка: ценность соизидательности римского мифа стоит отдельно,

а, всё, что разрушено во имя отвоевания римского наследия можно позже восстановить.

PROTO-GEOPOLITICAL CHARACTERISTIC /prəʊtəʊ dʒi:əpə'litɪkl kærəktə'rɪstɪk/, *n* — *геополит.* ■ 1. протогоеополитическая характеристика; ■ 2. персонализация (образа); ■ 3. воплощение (образа); ▲ *an original feature or quality of something / somebody, from which other features develop, with the political relations between countries and groups of countries and their geography in the world*;

✳ Для перевода и комментария:

✳ 1. Протогоеополитические характеристики германского геополитического типа берут начало своей модели мироустройства в произведениях «Эдда» и «Песня о Нибелунгах», в которых воспеваются их древние языческие боги и герои.

✳ 2. Основы германского геополитического типа закладывались в момент крушения Рима и обретения силы германскими племенами.

Ещё раз подчеркнём: приведённые выше статьи в целом не претендуют на исчерпывающее толкование каждого из понятий. Нас в данном случае интересовал геополитический ракурс применения данной лексики, который далеко не всегда находит отражение при переводах, не имеющих опоры на экспертное мнение.

Культурная компонента византийско-русского геополитического культурного кода в культурах обратного перевода

В лексико-семантическую группу геополитических культуронимов на ряду с англосаксонскими культуронимами, отражающими культурные компоненты римского наследия, также входят культуронимы византийско-русского культурного кода, которые, как уже отмечалось, вместе с германским типом составляют три мировых историко-культурных геополитических ветви «наследования римской имперской традиции». Обратный перевод культуронимов византийско-русского культурного кода на английский язык представляется не менее сложным, поскольку нередко целый ряд культурно значимых смыслов при таком переводе обедняется или вовсе теряется.

К числу таких культурномов относится, например, культуроним «Byzantine»:

BYZANTINE /baɪˈzæntaɪn/, /ˈbɪzəntiːn/ *n* — *геополит. культур.* ■ 1. Византия (Ромея);

■ 2. Византийская (Ромейская) империя; *Syn.*;

▲ 1. *connected with Byzantium or the Eastern Roman Empire*;

▲ 2. *used to describe architecture of the 5th to the 15th centuries in the Byzantine Empire, especially churches with high central domes and mosaics*;

▲ 3. *of, relating to, or characteristic of the ancient city of Byzantium*;

• *rules of ~ Byzantine complexity* — правила византийской сложности;

• *a ~ Byzantine power struggle* — борьба за власть в Византии;

✳ Для перевода и комментария:

✳ 1. Пространство Великой Евразийской степи сохраняет память о раннем наследии Римской империи, и о её более позднем варианте — Византийской империи.

✳ 2. Следует помнить о цивилизационном выборе Руси, которую она сделала в X в. через религиозную форму Ромейской (Византийской) империи.

✳ 3. Свой цивилизационный выбор Русь подтвердила в XVI столетии после освобождения от ордынского ига, приняв функции её наследницы после падения Византийской империи.

✳ 4. После падения Ромейской (Византийской) империи в 1524 г. старец псковского Елеазарова монастыря Филофей в своём послании Великому князю Василию III Ивановичу сформулировал идею Третьего Рима, наполнив геополитическим смыслом представление о статусе царской княжеской власти на Руси.

Далеко не всякому человеку, читающему и говорящему на английском языке, известно, что до конца существования Византии — Восточной Римской империи — её жители говорили на греческом языке и назывались ромеями — римлянами. Так обстоят дела не везде: например, если в современном Иерусалиме спросить любого араба, где находится православный храм (например, по его англоязычному названию, Russian Orthodox, или просто — Orthodox) — вас вряд ли поймут; спрашивать надо про *римскую* церковь — и тогда вы попадете в православный храм.

В равной мере для носителей английского языка, как и для тех, кто пользуется им вне контекста экспертного перевода, далеко не всегда очевидно, что

в культурном и геополитическом самовосприятии византийско-русского культурного наследия отчётливо прослеживается сознание величия и масштабности Византии и её столицы Константинополя как Нового Рима:

CONSTANTINOPLE /ˌkɒnstəntɪˈnəʊpl/, *n* — *геогр., геополит., культур.* ■ г. Константинополь (сегодня Стамбул);

∧ 1. неофициальное название христианской столицы Восточной Римской (Византийской\Ромейской) империи (395–1453), Латинской империи (1204–1261), Османской империи (1453–1922);

∧ 2. официальное название г. Константинополя во времена Византийской (Ромейской) империи — Новый Рим;

∧ 3. город на месте древнего г. Византий, расположенного на европейском берегу южного окончания Босфора;

∧ 4. Царьград, перевод с греческого «Царственный город» — город Василевса у славян;

▲ 1. *or ancient Byzantium*;

▲ 2. *city in northwestern Turkey partly in Europe and partly in Asia on the Bosphorus and the Sea of Marmara*;

▲ 3. *capital of Turkey before its independence in 1923 and earlier capital of the Ottoman Empire with the population of 12,500,000 those days*;

✳ Для перевода и комментария:

✳ 1. Город Константинополь был основан в 324 г. на месте древнего города Византий и в 330 г. возведён императором Константином Великим в ранг второй столицы Римской империи.

✳ 2. Впоследствии Константинополь стал столицей православной Ромейской (Византийской) империи, в которой жители назывались ромеями, По-гречески Ромейская значит Римская, в ромеи — это римляне.

✳ 3. Позже, в 1453 г., г. Константинополь был захвачен османскими турками 30 марта 1930 г. был переименован в Стамбул в ходе реформ Ататюрка.

Следует обратить внимание, что в англосаксонской терминологии присутствует достаточно большое количество заимствованных латинских терминов. Лексико-семантическая группа культуронимов геополитической культуры не стала исключением: лексические единицы (они же и единицы перевода) англосаксонского римского наследия в английском языке являются латинизмами, а на русский язык в традициях византийско-русского культурного наследия они переведены с латинского языка на русский и самодостаточно

функционируют как понятные носителям русского языка в очень своеобразном и совершенно неочевидном для носителей английского языка смысле, например:

TRANSLATIO IMPERII /trans'lati'o im'peri/, *n* — *геополит., культур., Lat.* ■ 1. перенос империи; ■ 2. «переход империи»; /\ идея перехода римского наследия как метафизического царства в другую страну в позднеантичной и средневековой Восточной и Западной Европе; * Для перевода и комментария:

* 1. Принятие концепции «переноса империи» использовалось в Византийской империи для легитимации прав на преемственность наследия Римской империи. Это давало право притязания на наследство в том числе и на территории, входившие в состав угасшей Римской империи.

* 2. Идея переноса традиции власти и государственного устройства содержится у Вергилия «Энеиде», где есть сюжет о переносе Троянского царства в Италию и представление Рима как Третьей Трои.

* 3. Обоснование предъявления прав на наследство Римской империи у Руси обосновал старец Елеазарова монастыря Филофей и придал ему историческое продолжение. Уже существовавший термин «Третий Рим» Филофей взял у современников угасания Византии, которые рассматривали Константинополь как Новый Рим или Второй Рим.

* 4. Сторонники Великой идеи в Греции обдумывали реставрацию Ромейской (Византийской) империи со столицей в Константинополе.

* 5. В Российской империи также были проекты возвращения Византийского наследства как культурно-цивилизационного пространства. В частности, это был «Греческий проект» Екатерины II.

* 6. Прошлая и современная политика возвращения Крыма (Тавриды), проведение русско-турецких войн также вписывается в политику предъявления прав на преемственность наследия Римской, и вслед за ней, Ромейской (Византийской) империи.

* 7. «Москва — Третий Рим и четвёртому не бывать».

* 8. У геополитической эксплуатации идеи Третьего Рима есть множество вариантов. Войны за наследство на территории Западной Европы, которыми изобилует история Европы, являлись местной пробой сил собственной геополитической значимости.

* 9. В «Книге пророка Даниила» говорится о «четырёх царствах», которые сменяются один за другим в ходе мировой истории. Идея о реально существовавшем государстве со столицей сначала в Риме, потом в Царьграде (Константинополе), о «едином и неделимом» Христианском царстве, осколки которого в последствии пытались сохранить и на Востоке, и на Западе в виде существовавших Греческой империи, затем Франкского королевства, Русского царства, Священной Римской (Германской) империи, Российской империи.

Отметим: переводческие стратегии передачи значений культуронимов в английском и русском языках демонстрируют определённое сходство. С одной стороны, имеют место заимствования; с другой — переводы геополитической лексики способствует словотворчеству в языке перевода. В переводе культуронимов наблюдается также неизбежное калькирование, особенно в случае с географическими топонимами, однако предпочтение современное переводческое сообщество (особенно русскоязычное) всё же отдаёт более глубоким переводческими трансформациями.

Выводы

В результате предпринятого исследования получен эскиз семиотического поля «римского наследия», с анализом характерной лексики современной англоязычной культуры на примере манипулятивно заряженных культуронимов зонтичного концепта лексико-семантической группы *Rach Anglo-Saxonica*. Данный подход, обусловленный лингвокультурологической оптикой и мультимодальным подходом переводоведения позволил выделить ключевые этапы конструирования мифа об исключительной роли англосаксонского мира в современной истории. Эти этапы связаны с «переоткрытием» кельтского следа пост-имперского римского наследия Британии (прежде всего) английской литературой XIX – XX вв., что в соответствии с исследовательской традицией было обозначено как «специальное событие» социокультурного плана.

Рассматривая перевод в качестве особого вида межкультурной коммуникации, мы обосновали значение приёмов целостного

преобразования, переводческой компенсации, переводческого перефразирования для передачи значения культуронимов и реалий ЛСГ *Rex Anglo-Saxonica*. Мифологические образы сакрального пространства империи, с её центром и границами, важностью морских притязаний и сухопутных завоеваний, сформировали кластер *подгруппы «культурное пространство»* исходной ЛСГ. Следующая подгруппа (*подгруппа власти*) включает в себя термины власти, вращающиеся вокруг короля (светская власть); его таинственного и всезнающего духовного наставника и советника, обладающего специфическим даром и потому имеющего приоритет в принятии решений; а также подчинённых, разделяющих интересы властителей. Третья подгруппа включает в себя терминологическую *рефлексию* над самим фактом обращения лексических единиц в качестве геополитических терминов. И наконец четвёртая выделенная нами подгруппа включает в себя термины *обратного перевода*, перекладывающие русскоязычные понятия о римском наследии на представления англоговорящих субъектов. Латинские заимствования, характерные для англоязычной лексики такого рода, представляют собой отдельную проблему исследования, так как в русском языке они уже имеют аналоги, взятые не из английского, а непосредственно из латинского языка. В свою

очередь, попытки выявления рамочных понятий «геополитического подхода», который задаёт условия формирования и усвоения массовым сознанием политического мифа о «римском наследии», позволило зафиксировать не только лексику, однокоренную слову «геополитика», но и выявить специфическое словоупотребление иных лексических единиц.

Интересно, насколько «химеры Рима» окажутся востребованы в англосаксонском мире с течением времени. Сегодня они заявляют о себе достаточно широко: не только в литературе, но и в американском кинематографе, практиках неоязычества в Британии и США, переносе этих неоднозначных символов в популярную музыку, в интернет-пространство и т.д. Примеры в виде отдельных словарных статей специализированного переводного лингвокультурологического словаря, над составлением которого работают авторы в настоящее время, позволяют надеяться на возможность усилить позиции переводчиков в стремлении более полноценно и равнозначно раскрыть значений изучаемых культуронимов. Последнее особенно важно для уточнения соответствующей лексики в процессе перевода, прямого и обратного. А возможно, и для смягчения культурной конфронтации, с которой в последние годы столкнулись Россия и Беларусь.

Список литературы:

- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи (слова и фразы в контексте двух культур). — Москва: Р. Валент, 2021. — 132 с.
- Гарбовский Н.К. Есть такая наука. А.В. Федоров: теория перевода – специальная дисциплина // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 7-43. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-7-43>
- Герасимов С.В. Теория и практика международных специальных событий. — Санкт-Петербург: Лань, 2018. — 412 с.
- Гольденберг Е.В. Волшебник Мерлин и святой Мартин Турский в перспективе средневекового и современного воображаемого Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 1. — С. 24–31.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31-44.
- Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. — Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. — 111 с.

Думина Е.В. Юридический перевод в поликультурном мире: социально-прагматический и лингво-культурологический аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 2. — С. 41–47.

Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 15–25. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-15-25>

Иванов Н.В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в защиту трансформационного подхода к переводу) // Военно-гуманитарный альманах. Вып. 8. — Москва: Военный университет, 2023. — С. 33–41.

Каверина Е.А. "Специальное событие": опыт философско-эстетического прочтения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2010. — № 13. — С. 71–79.

Карт П., Фокс К. Преодоление культурных различий: практическое руководство по международному деловому общению. — Москва: Гранд, 2005. — 222 с.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Вып. 4. — Москва: Институт психологии РАН, 2010. — С. 135–152.

Колмогорова А.В., Горностаева Ю.А. Всё ли могут короли? Или стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1. — С. 41–49. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_04

Ланчиков В.К. Краутапплентэй против Шнапстринкена О переводах рассказа Э.А. По "The Devil in the Belfry" на русский язык // Мосты: журнал переводчиков. — 2023. — № 2. — С. 62–67.

Макаревич И.И. Отраслевые термины дискурса цифровой трансформации как репрезентанты научной картины мира в парадигме цифровой культуры // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. — Симферополь: Ариал, 2023. — С. 193–199.

Макаревич Т.И., Макаревич И.И., Макаревич О.И. Влияние платформизации на передачу семантики культуронимов на уровне экспертного перевода в международной деятельности // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 136–159. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-136-159>

Матюшин И.М. «Перевод как профессия, наука, творчество» Заметки о прошедшей конференции // Мосты. журнал переводчиков. — 2023. — № 1. — С. 45–66.

Никишин В.О. Pax Romana и римский "империализм" в I в. н.э // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2019. — Т. 11, № 1. — С. 76–90. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

Оливейра А. Цифровой разум: как наука меняет человечество. — Москва: Дело, 2022. — 448 с.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. — Москва: ЭКСМО, 2003. — 415 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. — Москва: Р. Валент, 2007. — 244 с.

Терновая Л.О. Геополитическая культура. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 340 с. <https://doi.org/10.12737/1483954>

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — Москва: Высшая школа, 1983. — 303 с.

Холмогоров Е.С. Восток и Запад после Империи. — Санкт-Петербург: Евразия, 2023. — 320 с.

Хухуни Г.Т., Валуццева И.И. Категории лингвистического переводоведения в концепции А.Д. Швейцера: элиминировать или применять? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 3. — С. 41–48.

Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни / Е. В. Белоглазова, Е. В. Бобырева, Н. А. Боженкова [и др.]. — Москва: Инфра-М, 2023. — 294 с. <https://doi.org/10.12737/1946199>

Cowley S.J. Bio-ecology and language: a necessary unity // Language Sciences. — 2014. — Vol. 41. — P. 60–70. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.007>

Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. — New York: Simon & Schuster, Inc., 2004. — 428 p.

Kress G., Van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. — London: Arnold, 2001. — 142 p.

O'Halloran K.L. 8. Multimodal Discourse Analysis // *The Bloomsbury Companion to Discourse Analysis*. — London; New York: Bloomsbury Publishing, 2011. — P. 120–137.

Steffensen S.V., Vallée-Tourangeau F., Vallée-Tourangeau G. Cognitive events in a problem-solving task: a qualitative method for investigating interactivity in the 17 Animals problem // *Journal of Cognitive Psychology*. — 2016. — Vol. 28, № 1. — P. 79–105. <https://doi.org/10.1080/20445911.2015.1095193>

Walter Ph. Merlin ou le savoir du monde. — Paris: Imago, 2014. — 198 p.

References:

Beloglazova, E. et al. (2023) *Language: life of meanings vs the meaning of life*. Moscow: INFRA-M Academic Publishing LLC. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/1946199>

Carté, P. and Fox, C. (2004) *Bridging the Culture Gap: A Practical Guide to International Business Communication*. London: Kogan Page. (Russ. ed.: (2005) *Preodolenie kul'turnykh razlichii: prakticheskoe rukovodstvo po mezhdunarodnomu delovomu obshcheniyu*. Moscow: Grand Publ.).

Cowley, S. J. (2014) 'Bio-ecology and language: a necessary unity', *Language Sciences*, 41, pp. 60–70. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.007>

Demyankov, V. Z. (2002) 'Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political Discourse as a Subject of Political Philology]', *Political science*, (3), pp. 31–44. (In Russian).

Derrida, J. (1985) 'Des Tours de Babel', in *Difference in Translation*. Ithaca; London: Cornell University Press, pp. 165–207. (Russ. ed.: (2002) *Vokrug Vavilonskikh bashen*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.).

Dumina, E. V. (2024) 'Legal translation in a multicultural world: sociopragmatic and linguocultural aspects', *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (2), pp. 41–47. (In Russian).

Fedorov, A. V. (1983) *Osnovy obshchei teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy)* [Foundations of the General Translation Theory. (Linguistic Problems)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Garbovskiy, N. K. (2023) 'There is such a science. A.V. Fedorov: translation theory is a special discipline', *Lomonosov Translation Studies Journal*, 16(4), pp. 7–43. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-7-43>

Gerasimov, S. V. (2018) *Teoriya i praktika mezhdunarodnykh spetsial'nykh sobytii* [Theory and Practice of International Special Events]. Saint Petersburg: Lan' Publ. (In Russian).

Goldenberg, E. V. (2024) 'Legal translation in a multicultural world: sociopragmatic and linguocultural aspects', *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (1), pp. 24–31. (In Russian).

Huntington, S. P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster, Inc.

Ivanov, N. V. (2023) 'O ritoricheskom aspekte perevodcheskogo analiza (v zashchitu transformatsionnogo podkhoda k perevodu) [In Defence of the Transformation Approach towards translation]', in *Voyenno-gumanitarnyy al'manakh. Vyp. 8*. [Military-humanitarian almanac. Issue 8]. Moscow: Voennyj universitet Publ., pp. 33–41. (In Russian).

Kaverina, E. A. (2010) 'Special Events: Experience of Philosophical and Aesthetic Ideas', *RSUH/RGGU bulletin. Series: Philosophy, social studies, art studies*, (13), pp. 71–79. (In Russian).

Kholmogorov, E. S. (2023) *Vostok i Zapad posle Imperii* [East and West after the Empire]. Saint Petersburg: Evraziya Publ. (In Russian).

Khukhuni, G. T. and Valuitseva, I. I. (2024) 'Categories of Linguistic Translation Studies in A.D. Schweitzer's Conception: to Eliminate or to Apply', *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (3), pp. 41–47. (In Russian).

Kibrik, A. A. (2010) 'Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]', in *Kognitivnyye issledovaniya. Vyp. 4*. [Cognitive research. Issue 4]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., pp. 134–152. (In Russian).

Kolmogorova, A. V. and Gornostaeva, Y. A. (2021) 'Legitimation of the Spanish Monarchy in the Political Media Discourse: The Strategy of Appeal to Authority and Polyphony of Voices', *Political Linguistics*, (1), pp. 41–49. (In Russian). https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_04

Kress, G. and Van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.

Lanchikov, V. K. (2023) 'Krautaplent protiv Shnapstrinkena O perevodakh rasskaza Ye.A. «D'yavol na zvonitse» na russkom yazyke [Krautaplentey vs. Schnapstrinken On translations of E. A. Poe's story "The Devil in the Belfry" into Russian]', *Mosty: Zhurnal perevodchikov*, (2), pp. 62–67. (In Russian).

Makarevich, I. I. (2023) 'Otraslevye terminy discursa tsifrovoy transformatsii kak representanty nauchnoi kartiny mira v paradigm tsifrovoy kul'tury [Industry Terms of the Digital Transformation Discourse as Representatives of the Scientific World Picture in the Digital Culture Pa', in *Perevodcheskiy diskurs: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Translation discourse: interdisciplinary approach]. Simferopol: Arial Publ., pp. 193–199. (In Russian).

Makarevich, T. I., Makarevich, I. I. and Makarevich, O. I. (2023) 'Platforming Effect in Rendering Culturonyms' Coinage at the Expert Translation and Interpreting Level in International Activities', *Concept: philosophy, religion, culture*, 7(4), pp. 136–159. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-136-159>

Matyushin, I. M. (2023) 'Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo. Zametki proshedshei konferentsii [Translation as a Profession, Science, Creativity. Notes about the Past Conference to the Profession, Science, Creativity]', *Mosty: Zhurnal perevodchikov*, (1), pp. 45–66. (In Russian).

Nikishin, V. O. (2019) 'Pax Romana and the Roman "imperialism" in the 1st century A.D', *RUDN Journal of World History*, 11(1), pp. 76–90. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

O'Halloran, K. L. (2011) '8. Multimodal Discourse Analysis', in *The Bloomsbury Companion to Discourse Analysis*. London; New York: Bloomsbury Publishing, pp. 120–137.

Oliveira, A. (2018) *The Digital Mind: How Science Is Redefining Humanity*. Cambridge: MIT Press. (Russ. ed.: (2022) *Tsifrovoy razum: kak nauka menyaet chelovechestvo*. Moscow: Delo Publ.).

Panarin, A. S. (2003) *Iskusheniye globalizmom* [Temptation of globalism]. Moscow: Exmo Publ. (In Russian).

Retsker, Y. I. (2007) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of Translation and Translation Practice. Essays of Linguistic Theory of Translation]. Moscow: R. Valent Publ. (In Russian).

Steffensen, S. V., Vallée-Tourangeau, F. and Vallée-Tourangeau, G. (2016) 'Cognitive events in a problem-solving task: a qualitative method for investigating interactivity in the 17 Animals problem', *Journal of Cognitive Psychology*, 28(1), pp. 79–105. <https://doi.org/10.1080/20445911.2015.1095193>

Ternovaya, L. (2021) *Geopolitical culture*. Moscow: INFRA-M Academic Publishing LLC. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/1483954>

Visson, L. (2021) *Where Russians Go Wrong in Spoken English. Words and Expressions in the Context of Two Cultures*. Moscow: R. Valent Publ. (In Russian).

Walter, P. (2014) *Merlin ou le savoir du monde*. Paris: Imago.

Zabotkina, V. I. and Pozdnyakova, E. M. (2023) 'Mental Spaces of Manipulative Impact in Media Discourse', *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, (4), pp. 15–25. (In Russian). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-15-25>

Информация об авторах

Ирина Ивановна Макаревич — магистр управления, магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности факультета международных отношений Белорусского государственного университета, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4 (Республика Беларусь)

Оксана Ивановна Макаревич — магистр юридических наук, преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности факультета международных отношений Белорусского государственного университета, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4 (Республика Беларусь)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Irina I. Makarevich — Master in Public Administration, Master in Arts, Senior Lecturer at the Department of English for International Professional Activities, Faculty of International Relations, the Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030 (Republic of Belarus)

Oksana I. Makarevich — Master in Law, Lecturer at the Department of English for International Professional Activities, Faculty of International Relations, the Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030 (Republic of Belarus)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 03.09.2024.